

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A.I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2012

вып. XXIII

УДК 595.7.001 (571.6)

КОЛЛЕКТОР-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ФРИЦ ДЁРРИС ИЗ ГАМБУРГА

Е.В. Новомодный

Хабаровский филиал ФГУП «Тихоокеанский научно-исследовательский
рыбохозяйственный центр» (ТИНРО - Центр), г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

Прослежен жизненный путь, место и время проведения стационарных работ и экспедиционных поездок в Приморье, Приамурье и Восточную Сибирь профессионального сборщика естественноисторических коллекций Фрица Дёрриса-младшего из Гамбурга.

Несмотря на то, что фамилия немецких натуралистов Дёррис (Dörris = Doerris) увековечена в названиях немало числа отечественных насекомых и птиц, о них самих в русскоязычной литературе информация была скудной – от нескольких строк до страницы (Куренцов, 1974; Шульпин, 1936). В этой статье мы ставили своей целью восполнить данный пробел, а также продолжить начатое нами ранее (Новомодный, 2003) с личностей Л. Грезера, В. Дикманна и Ф. Людорфа рассмотрение роли выходцев из ганзейского города Гамбург в естественноисторических, главным образом в энтомологических, исследованиях на Дальнем Востоке России. Не подлежит сомнению, что никто из них не может сравниться с Фрицем Дёррисом по длительности пребывания в нашем регионе (22 года, с 1877 по 1898 гг.) и масштабам коллекторской деятельности. Он собрал, отчасти с помощью своих братьев, около 51 тыс. экз. бабочек, в числе которых оказалось 270 ранее неизвестных науке таксонов, 42 тыс. жуков, 5,6 тыс. препарированных птичьих шкурок и множество звериных (Weidner, 1969). В одной только сводке о макрочешуекрылых Амура авторитетнейший лепидоптеролог О. Штаудингер (Staudinger, 1892a) почти четырьмя раз ссылается на них, что в профессиональной среде равносильно установленному при жизни памятнику. Нам представляется, что появление подобных людей в Приамурье, а тем более в Приморье было закономерно и предопределено предше-

ствовавшими событиями. Своими трудами они придали новый импульс процессу изучения маньчжурской фауны, и вот по каким причинам.

Как известно, в роли первых, весьма немногочисленных исследователей аннексированных Российской империей в пятидесятые годы XIX века огромных территорий (половина площади бассейна р. Амур и северо-западное побережье Японского моря) выступили российские ученые-энциклопедисты, по происхождению остзейские немцы Л. Шренк, К. Максимович, Р. Маак и Г. Радде. Свершилось это в первые годы колонизации на средства Российской Академии наук и Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО), при одном важнейшем обстоятельстве – всемерном содействии военной администрации. Однако относительно тщательно (насколько позволял экспедиционный порядок работ) в зоологическом плане были изучены лишь Верхний, Средний и Нижний Амур. А юг новых российских владений, который уже в силу своего географического положения обещал много интересного, «Уссурийский край» из них довелось исследовать лишь Ричарду Мааку (5.06-29.09.1859 г., – все даты приводятся согласно первоисточникам), если не считать двухнедельного плавания Шренка с Максимовичем в середине августа 1855 г. от устья Уссури до р. Нор и обратно, да еще весенних сборов последнего в 1860 г. у станицы Буссе, вблизи устья р. Сунгача. На япономорском побережье вообще работал лишь один зоолог: судовой врач корвета «Воевода» Павел Александрович Вульффиус (Wulffius, Paul Magnus; 1830-1896), который летом 1860 г. ловил бабочек, стрелял и препарировал птиц в пунктах, обозначенных на английских картах того времени как «Port Mai, Port Bruce, Bai Poissiet» (ныне, соответственно, бухта Золотой Рог, заливы Славянский и Посьета). Добытых им чешуекрылых обработал О. Бремер, а птиц – Г. Радде (Bremer, 1864; Radde, 1863). Многие зоологи, их современники, остались не удовлетворены качеством работ и поспешностью выводов.

Н.М. Пржевальский, еще начинающий в то время исследователь, посетивший Приморье в 1867-1869 гг., помимо понятных ему как охотнику птичьих шкурок и растений, собрал в 1868 г. небольшую коллекцию жуков и бабочек, но дальнейшая ее судьба неизвестна (Отчет..., 1869). Это не удивительно, ведь по свидетельству хорошо знавшего его П.П. Семенова-Тянь-Шанского, беспозвоночные животные никогда не входили «в круг специальных занятий Пржевальского как натуралиста», поэтому он собирал насекомых только в первом и четвертом азиатских путешествиях, да и то лишь благодаря «усиленной моей просьбе» (Семенов, 1889). Однако встречались и гораздо большие любители энтомологии, такие как активный член Сибирского отдела ИРГО, иркутский банковский служащий, а впоследствии чиновник при военном губернаторе Приморской области и талантливый историк-архивист Михаил Павлович Пуцилло (1845-1889). В протоколах заседаний Русского энтомологического общества за 1870-1871 гг. о нем сказано: «Monsieur M. Pouzilo [здесь и далее все переводы сделаны нами] в 1870 г. предпринял энтомологическую поездку на юг русских владений на Дальнем Востоке Сибири [забытое, очень продуманное выражение], где он побывал в районе оз. Ханка, во Владивостоке и в об-

ласти рр. Суйфун [ныне - Раздольная] и Лефу [Илистая]. На следующий год он поднялся вверх по р. Амур и продолжил свою охоту в районе или недалеко от Албазина [с. Албазино Амурской области]. Сборы этой поездки были любезно уступлены им президенту Общества [в то время – О.И. Бурмейстер-Радошковский], казначею [Н.Г. Ершов] и секретарю [С.М. Сольский]. Только что поступившие, эти коллекции еще не изучены подробно, но первые впечатления от жуков показали наличие множества интересных и редких форм, которые представляют новые доказательства сходства фауны побережий Сибири и Японии [следует перечень найденных жуков], и одна великолепная бабочка, относящаяся к роду *Thais*» (Résumé..., 1872). Вскоре Ершов описал ее, назвав *Thais puziloi* (Erschoff, 1872). Кроме того, описанный здесь же новый сатира *Erebia dabanensis* Erschoff, 1872, хотя сборщик в статье не указан, скорее всего, тоже происходил из материалов, переданных М.П. Пуцило. Как выяснено нами, летом 1867 г. М.П. Пуцилло действительно ловил насекомых вокруг Иркутска, в 1868 г. – в юго-западной части Иркутской губернии («Тункинский край и прибайкальские окрестности»), а в 1869 г., вместе с А.М. Ломоносовым и геологом А.И. Чекановским, также известным своими энтомологическими сборами, обследовал горный массив Хамар-Дабан в Прибайкалье (Отчет..., 1868, 1869). Как справедливо отмечал А.И. Куренцов, «привезенные указанными путешественниками коллекции различных групп животных позволили составить представление о нашей дальневосточной фауне и уже тогда оценить ее богатство и своеобразие» (Куренцов, 1974). Действительно, начало было многообещающим, но практически все эти первые энтомологические, орнитологические и аналогичные им материалы по зоологии осели в России и за границу не попали, несмотря на то, что большой спрос на них имелся: на основе накопления коллекций в Европе шло бурное развитие систематики и биогеографии. Заметим, что участвовали в этом деле, дополняя друг друга, как профессиональные биологи, так и любители.

Следующий этап исследования дальневосточной фауны, когда деятельность коллекторов поддерживалась финансированием, основанным на средствах от продажи собранного, начался с чрезвычайно разностороннего биолога Бенедикта Дыбовского (Nałęcz-Dybowski, Benedykt Tadeusz). Конечно, еще до своего ареста и ссылки он знал рынок «натуралиев» (предметов естественнонаучных коллекций), поэтому в Сибири и на Дальнем Востоке по возможности пытался на них зарабатывать, окупать собственные поездки и расходы. Явно отдавая предпочтение позвоночным и гидробионтам, собирал и насекомых, но всё отсылал специалистам, «так как гг. Дыбовский и Годлевский разработкою насекомых не занимаются» (Усольцев, 1871). Утверждают, что коллекция из примерно 100 тыс. экз. была подарена им П.П. Семенову-Тянь-Шанскому (Винкевич, 1965). Однако в российских энтомологических депозитариях его сборы известны, кажется, лишь в Зоологическом музее МГУ, в материалах О.И. Радошковского. По-видимому, они представлены и в другой части коллекции последнего, в настоящее время хранящейся в Польше. Возможно, к нему имеет отношение фраза О. Штаудингера (Staudinger, 1892a): «Близ Николаевска [чи-

тай: «по Амуру»] очень много собирали уже давно, и я полагаю, что в основном высланные туда поляки; по крайней мере, я знаю, что почти двадцать лет назад большая коллекция прибыла оттуда в Англию». Действительно, там по сборам с Амура английский колеоптеролог Ф. Пэрри (Parry, Frederic John Sidney) описал жука-оленья *Lucanus dybowskyi* (Parry, 1873). Его коллекцию купил Р. Обертюр (Oberthür, René) и увез во Францию, где позже в честь Дыбовского Ж. Андрэ (André, Jacques Ernest Edmond) назвал шершня *Vespa dybowskii* (André, 1884). Из первоописания видно, что так намечал сделать Радошковский: авторство указано как «Rad.[oszkowski] in litt». Вероятно, большая часть материалов из летнего путешествия по Уссури (1874 г.) погибла, ведь по собственному свидетельству Б. Дыбовского на переправе «через реку Дубинку (иначе Дубининку)» [Даубихэ (?), ныне р. Арсеньевка] посреди реки «увязла наша повозка с багажом и оставалась в таком положении около двенадцати часов. ...Обстоятельства не дали нам возможности заняться тотчас же просушкой вещей: пришлось взять во Владивосток мокрые сундуки и ящики. Благодаря этому пропали все наши заметки, ...последние орнитологические коллекции, одежда и т. д.» (Дыбовский, 1901).

Сложившийся дефицит, прежде всего популярных среди любителей бабочек, жуков, птичьих шкур и яиц, вынудил известных германских дилеров этих предметов Отто Штаудингера и Рудольфа Танкре отрядить в 1876 г. своих сборщиков Гуго Христофа и братьев Рюкбайль на Дальний Восток. Этот эпизод истории мы уже освещали ранее (Новомодный, 2007). Фактически одновременно с ними фаунистические исследования на Амуре и в Приморье организуют гамбургские торговцы, «которые среди других дел быстро учли интерес фауны и интерес ее коллекционирования, как в научном, так и в меркантильном отношении» (Шульпин, 1936). Дело в том, что в те годы остро стоял вопрос о снабжении вновь колонизируемых земель товарами, русским мешало сибирское бездорожье, а стремление немцев на восток общеизвестно. Вот что они сами тогда писали: «Глаза всей Европы с любопытством устремлены на Россию – на этот колосс, который является одним в виде страшилища-великана, готового поглотить ничтожных карликов западной Европы, а другим представляется каким-то непочатым Эльдorado, где не только легко приобретаются огромные богатства на поприще промышленном, торговом и сельскохозяйственном, но где также почти без всякого труда достаются нравственные, духовные [в том числе научные] завоевания. Такое воззрение господствует не столько в Европе вообще, сколько в Германии в особенности. ...Каждый год многочисленные толпы немецких юношей уходят на восток, делают там преподавателями в университетах и высших училищах, учреждают фабрики, открывают рудники и проникают даже в отдаленные страны Азиатской России. ...Если мы представим себе, какое значение могут приобрести обширные пространства по берегам Амура, сделавшиеся теперь вполне доступными свободной колонизации, беспрепятственным торговым сношениям, как близко расположены к этим местностям древние государства Китай и Япония, то воображению нашему откроется любопытное поприще различных комбинаций» (Этцель, Вагнер, 1865).

Не удивительно поэтому, что их купеческие суда начали заходить в тогдашний центр, Николаевск с первых лет его существования. Известно, что в Гамбурге первые маленькие сборы чешуекрылых с Амура, в основном – ночниц, через друзей получил торговый агент Г. Хэльссен (Hälssen, Gustav) (Staudinger, 1892a). Другой купец из этого города, Генрих Вильгельм Дикманн-младший (Dieckmann junior, Heinrich Wilhelm Richard, около 1835-1898), торговавший только высококачественными немецкими товарами, с 1864 г. «организовал снабжение Амурского края продовольствием. Через десять лет он уже владел крупнейшей в регионе фирмой. В 1874 г. Дикманн впервые установил [прямое] пароходное сообщение между Германией и русским Дальним Востоком» (Шерстобоев, 2000). Свои сборы бабочек из окрестностей Владивостока не позднее 1875 г. он подарил Гамбургскому естественноисторическому музею. К моменту знакомства с Г. Христовом (Владивосток, сентябрь 1876 г.) в его коллекции, как сообщает последний, уже имелись «несколько экземпляров здесь пойманной интересной *Luehdorfia Putziloii*» (Новомодный, 2007). Похоже, именно эта бабочка взбудоражила умы тамошних любителей лепидоптерологии. Оказывается один из гамбургских коллекционеров, Фриц Дёррис заказал привезти дальневосточных бабочек работавшему в Николаевске с 1856 г. купцу, прусскому барону А. Людорфу (Lühdorf, Friedrich August Freiherr von). Во время летней поездки 1876 г. тот выполнил его просьбу. Среди сборов нашлась бабочка-парусник, названная лепидоптерологом К. Крюгером (Crüger, Carl Friedrich August Alexander) его именем: *Lühdorfia Eximia* (Crüger, 1878). При этом, как следует из содержания статьи, К. Крюгер предварительно проконсультировался с опытным О. Штаудингером, который предостерегал его от повторного описания уже обнародованного Ершовым таксона, но тот схитрил, дав новое родовое название. Мэтр энтомологии негодовал: «К сожалению, вопреки общепринятым нормам д-р Крюгер назвал типовой вид рода в честь человека, который абсолютно ничего не ведал в бабочках» (Staudinger, 1892a). Тем не менее, прецедент состоялся: «Восточная Сибирь», как все местности к востоку от Енисея называли немцы, сделалась страной голубой мечты, ведь там имелась реальная возможность обнаружить новые виды!

Естественно, одним из самых заинтересованных в продолжении сборов был вышеупомянутый Фриц Дёррис (Dörris, Fritz senior, в метриках Friedrich Nicol Daniel; 4.05.1822 – 31.12.1916), отец одиннадцати детей. По жизни он был настолько предан животным, что фанатично жертвовал собой, тратя на наблюдения за ними все свое личное время. Родился в Гамбурге, владел булочной, но с детства обожая птиц, чаще находился не в пекарне, а в лесу, на болоте, или в собственной птичьей комнате, где щебетали и вили гнезда многие виды (Weidner, 1969). Обладал ценной коллекцией птичьих шкурок, поэтому для ее изучения к нему неоднократно навещался легендарный пастор-орнитолог К. Брем (Brehm, Christian Ludwig), прославившийся своей огромной девяти тысячной коллекцией европейских птиц: собирал препараты всех стадий развития, физиологических состояний, географические и половые варианты. Его сын, автор непревзойденного труда «Жизнь животных» и первый директор общест-

венного гамбургского зоосада А. Брем (Brehm, Alfred Edmund) тоже постоянно у него консультировался. Дружил с К. Гагенбеком (Hagenbeck, Carl Gottfried Heinrich), великим немецким зоологом, ловцом, дрессировщиком и торговцем зверьями, создателем и владельцем первого частного зоопарка современного типа и зооцирков по всему миру. Как только Фриц Дёррис получил наследство и стал обеспеченным человеком, он избавился от булочной и занял в зоопарке низкооплачиваемую должность первого мастера по кормлению животных (зоотехника), чтобы иметь возможность всецело посвящать себя своим любимцам.

К занятиям орнитологией вскоре добавились сбор и выведение бабочек, Дёррис умел находить редкие виды в окрестностях Гамбурга, и даже самые трудные в разведении удавались ему хорошо. Показателен такой факт: Дёррис умудрился на целых полчаса опоздать на церемонию собственного бракосочетания, потому что по пути встретил интересный для воспитания энтомологический объект и набил им полную сумку, с которой невозмутимо явился в кирху. При жизни никто не смог превзойти его в изысканиях вблизи города, поэтому даже самые видные гамбургские лепидоптерологи считали себя лишь его учениками. Чтобы познакомиться с ним и его коллекцией, к нему специально приезжал знаменитый британский ботаник и лепидоптеролог Г. Эльвес (Elwes, Henry John). В беседах с многократно посещавшим его доктором О. Штаудингером, всегда публично называвшим старшего Дёрриса своим старым другом и выкупавшим всех бабочек, которых ловили сыновья, они проводили целые дни. «Вся их добыча, за исключением личной коллекции, находящейся у отца в Гамбурге, попадала в мои руки; в ней не должно быть вида, которого бы не получил и я» (Staudinger, 1892a). Он состоял в оживленной переписке с директором Лондонского зоопарка доктором Томсоном. Как-то летом Дёррис отправил ему больше тысячи гусениц траурницы, а взамен получил яйца гигантской павлиноглазки атлас (Selzer, 1920; Weidner, 1969). Конечно, часто навещал его работавший на Дальнем Востоке в 1881-1885 гг. лепидоптеролог, препаратор Гамбургского музея Л. Грезер. Видный энтомолог из города-спутника Гамбурга Альтоны Г. Варнеке (Warnecke, Georg Heinrich Gerhard) писал: «В моей памяти навсегда останутся яркие воспоминания о том, как согласно старой привычке во второй половине дня понедельника мы регулярно встречались с Грезером в доме его друга Фрица Дёрриса, моего почтенного наставника в лепидоптерологии» (Warnecke, 1914). Позднее он посвятил своему учителю, «Нестору гамбургских энтомологов» статью о сибирских бабочках, назвав ее «Doegriesia» (Warnecke, 1924). К сожалению, ничего из своих наблюдений самый старший Дёррис не опубликовал, хотя почти сорок лет отдал зоопарку.

А вот трое его сыновей оставили свой след в истории изучения Дальнего Востока: Фридрих, он же Фриц-младший (Dörries, Fritz junior; Friedrich Carl Gustav; 10.07.1852 – 21.02.1953), Генри (Dörries, Henry Gustav; 22.07.1861 – 21.02.1904) и Эдмунд (Dörries, Edmund; 3.01.1865 – 16.03.1958). Они смогли претворить в жизнь устремления отца, став ему самыми усердными помощниками и учениками в наблюдении, собирании, выращивании и препарировании птиц и бабочек. Впоследствии жажда приключений, тяга к дальним странствиям,

любопытность и стремление к свободной жизни у них только крепили, а интересная деятельность манила надеждой на хороший доход, так как естественно-исторические предметы из тех дальних, еще малоизвестных местностей стоили дорого. Поэтому изначально выучившийся на садовника Фридрих в 1877 г. решил попытать счастья «исключительно близ Владивостока» (Graeser, 1879). Взяв на вооружение не только опыт и знания в этой области у своего отца, поступил практично: предварительно проконсультировался с другими специалистами и собрал их заказы. Выехав из Гамбурга 19 февраля, спустя 75 суток он сошел на берег в Японии, имея лишь тысячу дойчмарок в кармане (для их экономии ехал в роли стюарда). Во время опасного путешествия между Нагасаки и Осака, попав в зону восстания самураев, неоднократно подвергался арестам, но зато собрал гербарий (519 номеров). В середине июня 1877 г. на маленьком русском пароходе он отплыл из Иокогамы во Владивосток, где его дождался брат Генри, приехавший туда раньше и постигавший искусство коммерции, работая в гамбургской фирме «Кунст и Альберс», а позднее присоединившийся к нему для ведения сборов (Weidner, 1969).

Видимо из соображений безопасности сначала Фриц в одиночку коллекционировал недалеко от города на маленьком о. Аскольд (18.07-18.08.1877 г.), и потом, до осени, в непосредственной близости от Владивостока. В январе 1878 г. его первая посылка достигла Гамбурга. Вскоре по лепидоптерологическим материалам трех сборщиков Л. Грезер написал свою первую, малоизвестную статью о владивостокской фауне бабочек, содержащую информацию по 210 видам: от Дикманна попали в обработку 65 таксонов (отмечали, что сборы были плохой сохранности), от Людорфа – 97 (частично сборы происходили с Уссури), а от Дёрриса – 138. «Несмотря на то, что его отец один из наших самых значительных коллекционеров, мы не особенно надеялись на существенные результаты, так как молодой человек никогда не занимался энтомологией; тем не менее, они превзошли наши ожидания тем, что собранные им экземпляры отличались тщательностью обращения и тем, что для большинства видов он сделал заметки об их времени лёта, проявив во время короткого пребывания в том месте изрядную компетентность, позволяющую нам надеяться, что в будущем мы еще получим от него немало интересного» (Graeser, 1879). Летящая с апреля по май людорфия попала уже в первое отправление: косвенное свидетельство того, что бабочку ловил его брат Генри. Заехав в сентябре, перезимовал и встретил весну следующего года на Аскольде (все это время братья занимались охотой на птиц), Фриц не только успешно отловил ее, но и сумел воспитать гусеницу, живущую с мая по июль на копытне Зибольда. Следующим видом, привлечшим его пристальное внимание, был аполлон *Parnassius bremeri*, обитавший в крутых, каменистых ущельях. Среди них встретился прекрасный коричневый экземпляр (самка), едва не стоивший ему жизни, так как при его ловле он упал с шестиметровой высоты. На круто ниспадающих к морю горных склонах нередко орлом парил переливающийся зелеными красками хвостоносец *Papilio maackii*, вылетая в море на расстояние до 100 м от берега и снова возвращаясь к скалистому острову. Его кормящихся гусениц он собирал на листьях пробкового дерева. Как в богатых цветами светлых солнечных местах, так и в

тени леса обитали характерные только для них виды дневных бабочек. Так, например, обратившись головой к солнечным лучам, на дубовых листьях сидели чудесные, трудно определяемые виды голубянок-зефиров. «Внезапно некоторые из них взвивались вверх и, кружась, играя друг с другом, ввинчивались в воздух, но вскоре возвращались, каждый на свое старое место. Это место – дубовый лист – и есть место их рождения; так как под ним висит куколка, из которой этот прелестный бриллиант выскользнул. Здесь он незаметно проводит свой относительно короткий период лёта во время которого ищет себе пару, и так живет, любит и умирает» описывает Ф. Дёррис свои впечатления (Dörries, 1926/1927b). Для наблюдений здесь в большом количестве были доступны не только бабочки, но и птицы – осёдлые и перелётные. Острокрылый дятел, которого он здесь добыл, ныне известен как *Dendrocopus canicapillus doerriesi* (Hargitt, 1881). Остров так приглянулся, что братья, с небольшими отвлечениями на окрестности Владивостока, работали здесь весь 1878 г. и вплоть до конца мая 1879 г. (Weidner, 1969).

Прав был О. Штаудингер, считавший, что они «стимулировали на довольно усердную ловлю чешуекрылых там проживавшего [с 1874 г.] высланного поляка М. Янковского» (Staudinger, 1892a). Воспитанный Дыбовским, до этого он отправлял Тачановскому лишь птиц, не очень веря, что на бабочках можно заработать славу и деньги. Вот как он сам писал об этом в феврале 1881 г.: «Результатом моих пятилетних наблюдений на острове было увеличение последнего списка птиц известных в Восточной Сибири, находящегося в «Критическом обзоре орнит. фауны Вост. Сибири» Вл. Тачановского [1876-1877 гг.], состоящего из 431 вида, до 442 видов, по определению собранных мною коллекций этим же автором. А из чешуекрылых, по определению братьев Обертноров в Ренэ, во Франции, взявших на себя труд обработки посылаемого им с Аскольда материала, открыто 26 совершенно новых видов [один из которых был назван *Spilosoma doerriesi* Oberthur, 1881]. Результаты их трудов над собраниями, посланными им за последние два года, еще не обнародованы» (Янковский, 1881). То есть собирать насекомых он начал лишь во время работы Дёррисов, можно считать, ловили вместе.

В дальнейшем Фриц и Генри распространили свои маршрутные и стационарные исследования на глубинные районы Приморья, место и время проведения которых были прослежены нами по указаниям в работах О. Штаудингера, приведенным в научных статьях этикеткам добытых птиц и бабочек, публикациям самого Ф. Дёрриса (Шульпин, 1936; Bolau, 1880, 1881, 1882; Dörries, 1888, 1927/1928, 1928/1929, 1929/1930; Staudinger, 1892a). Избрав главным пунктом базирования оставленный военными пост Барановский («Baranowsky am Suiffun»), с мая 1879 г. по май 1880 г. они работали «in Suiffun-Gebiet», в области р. Суйфун (ныне р. Раздольная), включавшей по их представлениям территории от оз. Ханка («Hanka-See») и протоки Сунгача («Sungatscha-Abfluss») до гор на западном берегу Амурского залива («Gebirgszug Tigrowo-Paid»). В конце мая 1880 г. переехали в станицу Казакевичевскую (Kasakewitsch) близ устья Уссури и жили там, обследуя хр. Хехцир («Choechzier-Gebirge»), р. Чирки («Schilka am unteren Ussuri»), а зимой – р. Хор («Horr»), примерно до 20 мая

1881 г. Потом ездили во Владивосток, где постоянно снабжались всем необходимым, да и посылки отцу шли морем, вернулись назад и охотились, по крайней мере, до 10 сентября. В этом же году были на Ханке во время весеннего и осеннего перелёта птиц. Похоже, что это охотничье эльдорадо регулярно посещалось ими в течение ряда лет. Осенью 1881 г. они поселились на р. Бикин («Bykien») рядом с удэгейцами и нанайцами, вероятно где-то в нижнем течении. Посещали близлежащие места по р. Уссури и станицу Козловскую («am Ussuri unweit Kassalowka»). Нам неизвестно, как долго там находились, видимо зимовали и встречали весну, но, судя по коллекции Штаудингера, летом 1882 г. уже были в Николаевске близ устья Амура (см. Holik, 1954). С октября 1882 г. и, как минимум, до середины февраля 1883 г. собирали в устье Суйфуна («Rasdolny»). В 1883 г. снова были на Аскольде. 1884 г. провели, в основном, в районе р. Сидеми («Sidimi», сейчас – Нарва) и одноименного полуострова (ныне – Янковского), но в июле работали на Суйфуне. Потом пошли по второму-третьему кругу: в 1885 г. – Суйфун, в 1886 г. – Сидеми, в 1887 г. – Бикин. Возможно, они не раз встречались с Л. Грезером во время его пребывания на Дальнем Востоке (см. Новомодный, 2003).

В декабре 1887 г., после десятилетнего отсутствия, Фриц возвратился в Германию, чтобы забрать с собой отца (то ли вдохновенного успехами сыновей, то ли, наоборот, неудовлетворенного) в новую поездку по Восточной Сибири. В следующем году публикуется его первая печатная работа о биологических наблюдениях за птицами (Dögies, 1888). Однако до этого посланные отцу орнитологические сборы Дёррисов обработал директор Гамбургского зоосада Генрих Болау (Bolau, Heinrich), посвятив им серию статей (Bolau, 1880, 1881, 1882). Позднее добытого Фрицем на Сидеми в достаточном для описания количестве экземпляров рыбного филина британский орнитолог Г. Сибом (Seebohm, Henry) назвал в его честь. Сейчас материковый подвид известен как *Ketupa blakistoni doerriesi* (Seebohm, 1895). По их сборам многие неизвестные таксоны описал и О. Штаудингер, в том числе в своих основополагающих сводках по Приамурью (Staudinger, 1887, 1888, 1892a, 1897). При этом он подчеркивал высокий уровень работы: «вследствие того, что братья Дёррис обращали особое внимание на воспитание [преимагинальных стадий], они обнаружили там большое количество новых видов» (Staudinger, 1892a). Между тем старик отец в шестьдесят пять лет выговорил себе двухгодичный отпуск в Зоологическом саду и в 1888 г. отправился на Дальний Восток. Но ему не повезло. Уже в самом начале путешествия он так сильно страдал от морской болезни, что, вопреки своему желанию, был вынужден сойти в английском порту Дувр. После пережитого пожилой человек провел в постели четыре недели. Старый мастер еще долго сожалел о произошедшем (Selzer, 1920; Weidner, 1969). Как знать, возможно, дальневосточные лепидоптерология и орнитология в своем развитии многое недополучили из-за этого.

Братья Дёррис продолжали свои поездки. По рекомендации О. Штаудингера (его очень интересовала зоогеография этого района) в 1889 г. они трудились в нагорных степях Кентея: «im Kentei-Gebirge» в Забайкалье (современное название – Хэнтэй-Чикойское нагорье), втроем, потому что к Фрицу и Генри

присоединился Эдмунд, специально выучившийся на препаратора в известной гамбургской фирме «J.F.G. Umlauff. Naturalienhandlung und Museum» и уже собиравший для нее коллекции на р. Ориноко в Южной Америке. Начиная с весны и как минимум до августа базой им служил блокгауз в семи километрах от с. Кудара (ныне Кяхтинский район Республики Бурятия), а ходили ловить и стрелять они в радиусе четырех-пяти километров. С 14 мая 1890 г. коллектировали в Приморье на р. Сучан (сейчас – р. Партизанская). Вероятнее всего, что и в следующем, 1891 г., тоже были там. С конца июня до середины августа 1892 г. охотились в горах, в том числе на бабочек-аполлонов, вблизи с. Коротково и пограничных казачьих Мензинской станицы и Ацинского поселка: «in den Grenzorten Korotkowa, Mensensk, Achinginsk im Jablonowoi-Gebirge» (Döggies, 1928/1929). Сейчас это территория Красночикийского района Забайкальского края. Таким образом, выясняется, что как и в 1889 г., они работали в бассейне р. Чикой в пределах России и в одном и том же нагорье, хоть и называли его по-разному. Лето 1893 г. снова провели в горах Кентея (Weidner, 1969). Обработке материалов из Забайкалья О. Штаудингер посвятил две специальных публикации (Staudinger, 1892b, 1898).

Потом Фриц побывал на родине, а в 1894 г. вновь отправился «в научную экспедицию ...чтобы собирать птиц, бабочек и жуков», уже сухим путем через Москву, Нижний Новгород, Казань, Томск и Байкал. Многие его участки он проделал двигаясь параллельно колоннам арестантов-каторжан, о чем подробно рассказал в своих воспоминаниях, изобразив много тяжелых судеб высланных в Сибирь преступников, но при этом явно внутренне сочувствуя им. «Целью моей поездки были горы Хехцира близ устья Уссури, где я хотел половить бабочек [они были его главной страстью]. ... Мы весьма успешно собирали до середины августа. Скоро добытые в природе сокровища: бабочки, жуки и другие, часто редкие насекомые были хорошо упакованы. Чтобы не проводить зиму в бедных горах Хехцира, мы сели в лодку, которая доставила нас на сорок километров вниз по течению в Хабаровку. Здесь мы дождались амурского парохода, который увёз в Николаевск при устье Амура, где, после краткого пребывания, мы поднялись на борт океанского парохода, шедшего на каторгу острова Сахалин (Döggies, 1929/30). В качестве мест, где ему удалось побывать, Дёррис упоминает Александровск-Сахалинский и Дуэ. Сын и наследник отцовской фирмы Л. Гагенбек (Hagenbeck, Lorenz) сообщал своим читателям в 1948 г., что «молодой энтомолог исходил для Карла Гагенбека вдоль и поперек остров Сахалин, и это было в то время, когда мой отец снабжал животными устроенный по его плану североамериканский зоологический сад в г. Цинциннати ([США], штат Огайо)» (Гагенбек, 1994). Возможно происходило это не в 1894 г., а на следующий, 1895 г., о котором нам не удалось получить никаких сведений. Поэтому мы не в силах рассудить представленный ниже спор орнитологов.

Дело в том, что Л.М. Шульпин в работе «Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья» (1936) писал: «Во время этих своих передвижений они, между прочим, работали в 1894 г. в устье Амура и собрали здесь коллекцию

птиц, которая, по-видимому, была продана Сибому и после его смерти в 1896 г. поступила в Британский музей в Лондоне. Перед своей смертью Сибом работал над приготовлением статьи о птицах Владивостока (см. «Ibis», 1896, p. 161), вероятно, по сборам Дорриеза. В ряде томов каталога птиц Британского музея, вышедших после 1896 г., в перечислениях экземпляров можно изредка находить указания на экземпляры с устья Амура от Дорриеза, очевидно, из упомянутых выше коллекций». Наш современник, В.Г. Бабенко сомневается в этом: «Указание Л. М. Шульпина (1936) на то, что профессиональные коллекторы из Гамбурга братья Ф. и Г. Дорриез (Dörries) работали (с перерывами) в 1877-1894 гг. не только в Южном Приморье, но так же и в устье Амура вызывает некоторое сомнение в районах и сроках проводимых ими сборов. Поводом для этого служит тот факт, что на оригинальных этикетках тушек птиц добытых этими коллекторами был указан Амурский залив (о чем любезно сообщил нам П.С. Томкович, работающий с тушками некоторых видов птиц в Британском музее естественной истории). Однако впоследствии в научных публикациях Амурский залив (р-н Владивостока) был ошибочно назван Амурским лиманом (устье Амура). Характерно, что и Л.М. Шульпин с сожалением констатирует, что ему не удалось точно восстановить маршрут передвижения братьев Дорриез, а подтверждение их пребывания в устье Амура он черпает из каталога Британского музея, в котором, кстати, и присутствует вышеприведенная ошибка» (Бабенко, 2000). Мы можем лишь подтвердить тот факт, что Дёррисы имели реальную возможность работать в обоих местах, так как Амурский залив входил в их «Suiffun-Gebiet».

Если судить по коллекции бабочек О. Штаудингера, хранящейся в Дрездене, летом 1896 г. местом сборов опять стало Забайкалье: «Jablonowoi-Gebirge» (см. Holik, 1954). В 1897 г. Дёррис решил покончить с опасным образом жизни искателя приключений и возвратился в Германию. В августе он женился, но, вскоре уступив настоятельной просьбе Карла Гагенбека, стал звероловом и снова поехал в Сибирь: на этот раз за тем, чтобы привезти в Европу весьма декоративных, контрастно двухцветных в зимнем наряде маралов (подвид благородного оленя). За два месяца Дёррис успешно отловил их на Витимском плоскогорье. Каждый транспортировался на снях, упакованным в ящик, по коварному трещиноватому льду оз. Байкал, а в Иркутске грузился на железную дорогу. В Гамбург он доставил шесть оленей, которых никогда раньше живьем в Европу не привозили (Dörries, 1927/1928). В следующем, 1898 г., Фриц оказался в Приморье, на Сучане: приехал за пятнистым оленем Дыбовского для охотничьего парка английского герцога Бэдфорда (Herbrand Arthur Russell, 11th Duke of Bedford) в его поместье Уобёрн-Эбби (Woburn Abbey). Гагенбек заказывал тридцать, но с невероятными трудностями удалось поймать и привезти только двадцать особей (Dörries 1928/29). Замечу, что близкая дружба с последним имела решающее значение для всей его последующей жизни.

По некоторым сведениям сразу по возвращении из последней поездки в Забайкалье, а официально в 1909 г., Фриц Дёррис-младший стал заведовать инсектариумом, «Домом насекомых», входившим в состав публичного акватеррариума

нового зоопарка Гагенбека в Штеллингене. Он проработал там двадцать пять лет, до 1933 г.: в его память одна из улиц этого района Гамбурга в 1964 г. получила название «Doerriesweg Straße». Здесь выращивались и содержались насекомые и другие членистоногие из Германии и тропиков: например, цейлонские листовидки (листотелы) *Phyllium* из привиденьевых, различные виды саранчи, богомолы, крупные павлиноглазки и другие шелкопряды в виде имаго и других стадий развития, бабочки-древоточцы, жуки-носороги, жук-геркулес, пауки-птицееды, скорпионы и сколопендры (Weidner, 1969). Именно им были посвящены его четыре, в широком смысле, энтомологические статьи (Döggies, 1912, 1926/1927a, 1951, 1954). По их содержанию видно, что он был истинным дарвинистом, всегда старался именно с таких позиций объяснять причины биологических адаптаций обитателей его садков и витрин – невероятно оригинальных, «немыслимых» существ.

К этим годам относятся воспоминания Лоренца Гагенбека: «Я и мой брат [Hagenbeck, Heinrich] были в самых близких отношениях с «папой Дёррисом», поскольку он являлся другом нашего отца, его приятелем с детства еще в те далекие времена, когда Гамбург был полностью расположен в пределах своих городских стен. Он часто имел обыкновение рассказывать нам, как поздно возвращаясь домой, когда городские ворота были закрыты, и, не имея денег, чтобы заплатить штраф, они вынуждены были искать «доброе» часового с алебардой. Выдающийся специалист по насекомым, «папа Дёррис» служил трём поколениям нашей семьи. Свою большую любовь к миру мелких существ он унаследовал от собственного отца. ... В своих отношениях с животными Фриц Дёррис был столь же доверчивым, каким благородным и бесхитроумным он был в своих деловых отношениях с людьми. Я знал лишь одного человека, у которого было чувство почти полного взаимопонимания с пауками-птицеедами. Стекланный колпак на клетке опасного паука он отодвигал назад, дышал на это существо, мягко поглаживал его спину, а затем осторожно брал в руки. Держа на тыльной стороне ладони, он демонстрировал его так, чтобы туристы, затаив дыхание, могли разглядеть мощные резцы [хелицеры] безобразного маленького отравителя. Дёррис был убежден, что все животные знали запах его тела. Он никогда не касался их без предварительного тщательного ополаскивания рук в тёплой воде, так, чтобы присутствовали только естественные запахи и не было ни малейшего следа мыла. ... Однако, у Дёрриса однажды чуть не произошло чрезвычайное происшествие, которое могло бы иметь катастрофические последствия. Но «папа» никогда, ни на мгновение не терял хладнокровия или своей уверенности в маленьком ядовитом друге. Когда он демонстрировал его известной принцессе крови и ее от отвращения морщившим носы придворным, которые уже поворачивались, чтобы уходить, модная в то время паранджа одной из леди задела паука. В мгновение ока он перескочил на неё, заняв угрожающую позицию на вершине соломенной шляпки. Женщина и понятия не имела, что произошло, но для несчастного случая с ее стороны достаточно было лишь одного небрежного движения руки. Без лишних слов Дёррис проскользнул за ее спину, осторожно снял беглеца с высоты и положил его в витрину!» (Hagenbeck, 1956).

Только в восемьдесят лет он ушел в отставку, но и в свои девяносто был все еще бодр и работал в саду. Позже он проводил время преимущественно за писанием акварельных рисунков и автобиографии, сочинением стихотворений. По его словам, никаких особых мер для своего долголетия он не предпринимал. Жизненный совет его на этот счет звучал так: «Если Вы хотите становиться старше и одновременно оставаться молодыми, Вы должны пить больше воды, делать интересную работу и время от времени испытывать страх за свою жизнь, тогда она больше ценится. Вы не можете позволить себе только одного: сердиться! Это ничего не даёт и лишь приближает смерть». У них с женой было четыре дочери. Газета «Hamburger Abendblatt» сообщила 25 июня 1949 г. что последние годы жизни он провёл на попечении дочери Адды (Hack, Adda) в доме его зятя, знаменитого укротителя слонов Й. Гака (Hack, Josef; 1904-1991), отдавшего более пятидесяти лет этому делу, а также что «каждый день выдающийся энтомолог пишет, по крайней мере, четыре страницы рукописи своей книги «Двадцать лет в Восточной Сибири»». Находясь в здравом уме, он отпраздновал сотый день рождения и умер на сто первом году жизни (Weidner, 1969).

Брат Генри, сопровождавший Фрица почти во всех поездках, приобрел русское гражданство и поселился во Владивостоке. Однажды он занимался околотом (стряхиванием гусениц), и случайно поднял медведя с лёжки, а тот от неожиданности напал на него. К счастью, по трусливому лаю сопровождавшей его собаки находившийся недалеко Фриц понял, что брат попал в трудное положение. Он сумел прогнать медведя, который, однако, успел искушать брату руку и грудь, и поэтому должен был срочно тащить его за пятьдесят километров в военный госпиталь во Владивосток. Позднее Генри также путешествовал по краю для сбора материала, а приезжая в Гамбург часто подолгу задерживался на родине, чтобы с выгодой продать свои коллекции. Занимаясь таксидермией птиц, во время препарирования он отравился белым мышьяком, поэтому страдал рожистым воспалением лица и рано умер. Самый младший брат, Эдмунд, спутник Фрица в трёх поездках, тоже достиг глубокой старости (Weidner, 1969). Вполне вероятно, что с ними мог быть лично знаком или состоять в переписке с 1903 г. работавший в Приморье и много раз ездивший в Германию на усовершенствование врач и лепидоптеролог-любитель Арнольд Мольтрехт (1873-1952). Иначе как понимать его фразу из статьи о бабочках: «Братья Дэррис описывают окрестности Шкотова и Бикина как богатейшие по своему составу энтомофауны места, где в настоящее время и десятой доли перечисленных Дэррисом видов не найти» (Мольтрехт, 1923). Или он видел (имел) какую-то их рукопись или неизвестную нам статью?

За годы, проведенные в Восточной Азии, Фриц Деррис-младший выдержал много испытаний, устроенных ему дикими зверями и людьми. Этим приключениям посвящены его интересные научно-беллетристические рассказы, помещенные в ежегодниках зоопарка Гагенбека (Dötties, 1926/1927, 1927/1928, 1928/1929, 1929/1930). К сожалению, из-за тематической направленности издания о насекомых в них почти ничего нет. В качестве примера стиля далее мы приводим в изложении некоторые описанные там события и избранные выдержки.

Открытое на Аскольде еще до прихода русских месторождение рудного золота привлекало золотоискателей и китайских грабителей-хунхузлов. «Однажды они спланировали нападение на остров, и об этом стало известно. Девятнадцать ночей подряд Фриц бодрствовал вместе со своим китайским поваром Ванькой к тому времени, когда примерно тридцать человек высадились на берег недалеко от его хижины. Беспорядочной ружейной стрельбой дробью со все новых и новых позиций удалось ввести грабителей в заблуждение и вынудить их к отходу из страха в численном превосходстве». В другой раз «на живших в палатке собирателей напали грабители, которых им удалось отбить лишь благодаря высочайшему самообладанию» (Weidner, 1969). При длежащей сутками санной езде по замерзшему Верхнему Амуру он едва не погиб: ночью при температуре минус 42,5 °С он и возница уснули. Спасло только то, что пала одна лошадь, и транспортное средство резко остановилось. Возница вывалился без чувств, а Дёррис, к счастью, сумел проснуться. За двадцать минут он смог растормошить кучера, но тот уже успел обморозиться. После случившегося, чтобы бодрствовать, они оба бежали за санями (Dötties, 1928/1929).

«В моем сибирском путешествии я всегда уделял самое большое внимание зверям, особенно в течение зимних месяцев, которые в большинстве случаев парализовали мою деятельность, так как в это время укрытый снегом мир насекомых зимовал под открытым небом. Из-за недостатка корма все встречающиеся здесь медведи вынуждены, с начала ноября до марта спать. В этом смысле сходны жизненные обстоятельства сибирских медведей и сибирских собирателей бабочек». Как-то раз ему довелось взять гималайского медведя на берлоге. Там оказались медвежата. «Я забрал одного из них и приспособил для охотничьих целей. Дрессировка вместе с собакой удалась превосходно. Мишка приносил подстреленных уток, и даже будучи в хорошем настроении шел на следу копытных. Однако встреча свежих следов тигра отбивала ему всякую охоту. ... Однажды я был занят поисками жуков, прятавшихся во мху, под камнями и корой в смешанном горном лесу. При этом короткое время мишка «помогал» мне, то есть как только ему удавалось раскопать жирную жужелицу, он тут же ее съедал вместо того чтобы отдать своему хозяину часто действительно ценную, редкую добычу». В этот день он встретил взрослого сородича и присоединился к нему. Что было делать? Дёррис мысленно пожелал ему удачи. «В наших охотничьих вылазках за бабочками в прериевидных местностях, где злаки и травы двухметровой высоты растут без просветов, медведи были нам весьма желанными помощниками. Они всегда прокладывали здесь, вдоль и поперек, свои дороги, на которые опускались мотыльки, таким образом становясь легкой добычей ловца» (Dötties, 1928/1929).

«В долине Суйфуна мы неоднократно ловили жуков и бабочек ночью, вооруженные лишь сачком и фонарем. На этих экскурсиях нам много раз встречались тигры, которые обходили места нашей ловли на незначительном удалении, а когда они выходили на свет, то либо несколькими скачками скрывались в чаще, либо медленно туда отступали». «Ясным летним днем при сборе бабочек и гусениц часто доводилось оказываться в непосредственной близости от

тигров. Как-то в живописно изрезанных ущельями, романтических горах я занимался ловлей аполлонов. Коллекционер знает, что для успешной охоты сборщик должен иметь в поле зрения лишь одного из этих прекрасных мотыльков, в такие мгновения окружающее исчезает для тебя. В сачке у меня был *Parnassius nomion*, и ценная добыча требовала моего полного внимания. Но я случайно направил свой взгляд вверх, и увидел тигра, лежащего в четырёх метрах выше меня на несколько выступающей скале. Однако я не потерял присутствия духа, и, принуждая себя к спокойствию, быстро запаковал мотылька, при этом уронив сачок. Во время этой деятельности глаза тигра были направлены только к лежащему перед моими ногами сачку, который, по-видимому, его весьма заинтересовал. Пятясь, я ретировался так осторожно, как только мог, и таким манером шел примерно тридцать метров от места нашей встречи» (Dörries, 1927/1928). Доходы от продажи шкур пушных зверей давали возможность финансировать поездки. За хорошую шкуру сибирского тигра можно было выручить от 1400 до 1500 немецких марок (Weidner, 1969).

Что известно о судьбе их сборов? Авторы изданной в Германии известной мировой сводки явно спутали отца и сына, считая, что владелец энтомологической коллекции ловил вместе с братьями: «Dörries, Fritz (1822-1916). Ausbeuten (zusammen mit seinem Bruder) aus Transbaikalien, Amur, Ussuri-Gebiet und Insel Askold (1878 / 86) ex parte via Staudinger & Bang-Haas / Dresden vereinzelt. Privatsammlung paläarktische Lepidoptera 1916 ex parte an G. Warnecke, 1944 an Zool. Mus. Hamburg; ex parte via K. von Rosen an Zool. Mus. München; ex parte 1919 via Staudinger & Bang-Haas / Dresden, ex parte via M. Korb / München vereinzelt» (Horn et al., 1990). Из этой справки видно, что с помощью отца при посредничестве Штаудингера они были разобщены, распроданы, и оказались в частных собраниях и музеях. Личную коллекцию Фрица Дёрриса-старшего после его смерти в ночь накануне Нового (1917 г.) года должен был унаследовать его внук Ф. Диль (Diehl, Fritz), уже занимавшийся с нею. Однако в это время для своих родных он считался пропавшим без вести на фронтах Первой мировой войны (оказалось, находился в русском плену). Поэтому к его возвращения на родину (1.12.1920 г.) некоторая ее часть была изъята, но большая все-таки досталась ему. Со следующего года он занял должность препаратора в Зоологическом музее Гамбурга. Много материалов от Дёрриса-отца находилось в частной коллекции Георга Варнеке. Они попали туда еще при его жизни. Предвидя свою очень вероятную гибель (шла Вторая мировая война), в 1943 г. Варнеке передал ее в Зоологический музей города. К счастью, основную ее часть сразу же эвакуировали в Саксонию. Благодаря этому были спасены не только материалы Дёррисов, но и многие типы из дальневосточных сборов Л. Грезера, также находившиеся у него. В противном случае их постигла бы судьба практически всех собраний музея, уничтоженных в 1943 г. в результате ковровых бомбардировок города авиацией союзников в рамках операции «Гоморра». После войны обе части коллекции Дёрриса, находившиеся в коллекциях Дили и Варнеке, воссоединились в хранилищах Зоологического института и музея Гамбурга (Weidner, 1974). К сожалению, в большинстве случаев мы не можем воспользоваться находящимися сейчас в депозитариях Европы богатыми ма-

териалами, накопленными ими и другими их соотечественниками во время работы на Дальнем Востоке. А потребность в них ощутима: ведь до настоящего времени фаунистические исследования здесь актуальны.

Шкурки и яйца птиц в настоящее время хранятся в Германии: Брауншвейге (Staatliches Naturhistorisches Museum, Braunschweig), Гамбурге (Zoologisches Institut und Zoologisches Museum, Hamburg) и в Англии, в Тринге (The Natural History Museum, Tring). В ходе своих экспедиций Фриц собрал 8600 ценных этнографических предметов, бытовавших у пятнадцати народов Восточной Сибири и Дальнего Востока, в том числе у тунгусов, китайцев и айнов Сахалина, а также у него имелось много записей этнологического характера. Их современное местонахождение нам неизвестно. Коллекцию по чукчам и корякам с берегов Берингова пролива, которую Фриц приобрел у шкипера китобойного судна Фридольфа Гека, купил Музей этнографии в Гамбурге (Weidner, 1969).

Фриц Деррис всем сердцем полюбил места своих странствий: «Пусть многие путешественники и исследователи хвалят загадочную сущность темной части света, черного сфинкса [Африки], волшебные тропические цветы Индии и Южной Америки, таинственный чудесный мир Новой Зеландии и другие великолепные уголки этой планеты, я люблю первобытную Сибирь, люблю как кладезь девственной природы, в котором еще ничья человеческая нога не осквернила святыни. Эти места, где зима так сурова, а весна опьяняет, лето пронзительно лучисто, а осень цветасто раскрашивает тайгу и тундру, есть страна сказочной мечты. Сибирь для меня – святая земля, двадцать два года державшая меня в своей власти. Она всегда показывала мне новые чудеса и красоты, навечно запечатленные в моем сердце и душе в виде сильных ощущений и воспоминаний, которые и сегодня, в дни моей старости, дают мне отраду» (Dörgies, 1927/1928). «Двадцать два года подряд сибирская земля предоставляла мне питание, одежду и жилье. Неудивительно, что я сросся с этим клочком ставшей своей земли настолько тесно, что и сегодня меня, уже пожилого мужчину, одолевает дикая, неизбывная тоска по тем местам, которые я люблю как вторую родину. Вопреки всем беспорядкам, которые еще беспокоят сегодня обширные сибирские области, я не теряю веры в эту привлекательную волшебную страну, и хочу надеяться, что здоровое народное тело поднимет там дремлющие несметные богатства, освоит бескрайние плодородные земли и прямо-таки беспредельные запасы угля и металла, поскорее придет к полнейшему процветанию, и Сибирь сможет развернуться и оправдать данное ей имя «страны будущего». ... Я шлю волшебной стране свои приветы как пожелание счастливого пути!» (Dörgies, 1928/1929).

Братья Деррис относились к тем людям, которые были естественным образом связаны с природой, до тонкостей знали ее, отличались великолепной наблюдательностью, с упорством и выносливостью преодолевали все трудности, чтобы добыть для науки зоогеографии столь необходимые первичные материалы в самых отдаленных странах. Зооторговля тогда выступала в роли двигателя науки, а Фриц Дёррис по сути является дальневосточным аналогом «натуралиста на Амазонке» Генри Бейтса.

Благодарности

В заключение считаю приятным долгом выразить искреннюю признательность орнитологам В.А. Нечаеву (БПИ ДВО РАН, г. Владивосток), еще полтора десятилетия назад сделавшим из меня главного специалиста по данной тематике среди коллег, и Е.Э. Шергалину (Мензбирское Орнитологическое Общество, Эстония), очень активно помогавшему в поиске нужной литературы. Особая благодарность немецким библиотекарям: создателю полноценного энтомологического сайта (<http://www.entomologische-literatur.de>) М. Гику (Gick, Manfred; Schwärzhof, Himmelkron, Bayern), и Х.-У. Рааке (Raake, Hans-Ulrich; Museum für Naturkunde, Berlin) за неоценимую помощь в безвозмездном предоставлении редких печатных источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко В.Г.* Птицы Нижнего Приамурья. Монография. М.: Прометей, 2000. 724 с.
- Винкевич Г.А.* Выдающийся географ и путешественник [Б.И. Дыбовский, 1833-1930]. Минск: Наука и техника, 1965. 106 с.
- Гагенбек Л.* Послесловие // Звероловы: К. Гагенбек. О зверях и людях; Ч. Майер. Как я ловил диких зверей; Дж. Майкл. Семья Майклов в Африке / Пер. с англ. М.: Армада, 1994. С. 217–220.
- Дыбовский Б.* Автобиография // Пятидесятилетие Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества : юбилейный сборник под ред. А. Коротнева. Вып. 1: Фауна Байкала. (Результаты зоологической экспедиции 1900-1901 год, снаряженной под руководством профессора университета Св. Владимира А.А. Коротнева). Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1901. С. 1–12.
- Куренцов А.И.* Зоогеография Дальнего Востока СССР на примере распространения чешуекрылых – Rhopalosera. Новосибирск: Наука, 1974. 159 с.
- Мольтрехт А.К.* Географическое распространение чешуекрылых Приморья // Приморье, его природа и хозяйство: Сб. статей, сост. науч.-просв. секцией Примгубвыстбюро. Владивосток: Изд-во Владивост. отд. Госкниги, 1923. С. 123–127.
- Новомодный Е.В.* Путешествие Л. Грезера (1881–1885 гг.) и его значение для исследования чешуекрылых (Lepidoptera, Insecta) Дальнего Востока // Чтения памяти А.И. Куренцова. Вып. 13. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 5–30.
- Новомодный Е.В.* Дальневосточное путешествие Г.Ф. Христофа (1876–1877 гг.) // Чтения памяти А.И. Куренцова. Вып. 18. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 5–28.
- Отчет Сибирского отдела за 1867 г.* // Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. 4. С. 16–17, 96–98, 156–158.
- Отчет Сибирского отдела за 1868 г.* // Известия Императорского Русского географического общества. 1869. Т. 5. С. 65, 108, 118, 150–151, 217.
- Семенов П.П.* Речь, посвященная Н. М. Пржевальскому // Памяти Н.М. Пржевальского. СПб.: 1889. С. 11–27.
- Усольцев А.Ф.* Естественно-исторические исследования на Байкале // Отчет Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1870 г. Иркутск: Изд-во Н.Н. Сеницына. 1871. С. 8–14.
- Шерстобоев О.Н.* Немецкое предпринимательство в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX начало XX вв.) // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Гуманитарные технологии. 2000. С. 118–127.

Шульпин Л.М. Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья. Владивосток: ДВ филиал АН СССР, 1936. 436 с.

Этцель А., Вагнер Г. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т.У. Аткинсона, А.Т. фон-Миддендорфа, Г. Радде и др. // Пер. с немецкого Н. Делпиша. СПб.: Изд-во М.О. Вольфа, 1865. 520 с.

Янковский Ю.М. Остров Аскольд // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 12. Иркутск: Изд-во Н.Н. Синецкина. 1881. С. 82–87.

André E. Guêpes sociales ou Vespidae // André, E. (Ed.). Species des Hyménoptères d'Europe et d'Algérie. Vol. 2. 1884. P. 579–602.

Bolau H. Verzeichnis der von Fr. Dörries auf Askold an der Ostsibirischen Küste gesammelten Vögel // Journal für Ornithologie. 1880. 28 Jahrg. S. 114–132.

Bolau H. Über Vögel aus dem Suifun-Gebiet, gesammelt von Friedrich und Henry Dörries // Journal für Ornithologie. 1881. 29 Jahrg. S. 51–65.

Bolau H. Beitrag zur Kenntnis der ostsibirischen Vogelwelt // Journal für Ornithologie. 1882. 30 Jahrg. S. 329–344.

Bremer O. Neue Lepidopteren Ost-Sibiriens, insbesondere der Amur-Landes, gesammelt von den Herren G. Radde, R. Maack und P. Wulfius // Memoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. 1864. Ser. 7, T. 8. P. 1–103.

Crüger C. Über Schmetterlinge von Wladiwostok // Verhandlungen des Vereins für naturwissenschaftliche Unterhaltung zu Hamburg. 1878(1876). Bd 3. S. 128–133.

Dörries F. Die Vogelwelt von Ostsibirien / Herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von Th. Noack // Journal für Ornithologie. 1888. 36 Jahrg. S. 58–97.

Dörries F. Das Wandelnde Blatt (*Phyllium pulchrifolium*), seine Entwicklung, Lebensweise und Fortpflanzung // Internationale Entomologische Zeitschrift. Organ des Internationalen Entomologen-Bundes (Guben). 1912. 6 Jahrg. S. 52–55.

Dörries F. Wandelnde Blätter und Lebende Zweige // Carl Hagenbeck's Illustrierte Tier- und Menschenwelt herausgegeben von Carl Hagenbeck. Stellingen. 1926/1927a. 1. Jahrg. S. 86.

Dörries F. Erinnerungen eines Ostsibirienreisenden // Carl Hagenbeck's Illustrierte Tier- und Menschenwelt herausgegeben von Carl Hagenbeck. Stellingen. 1926/1927b. 1. Jahrg. S. 163–169.

Dörries F. Meine Begegnungen mit Tigern in Ostsibirien // Carl Hagenbeck's Illustrierte Tier- und Menschenwelt herausgegeben von Carl Hagenbeck. Stellingen. 1927/1928. 2. Jahrg. S. 133–137.

Dörries F. Auf verschwiegenen Wildpfaden im ostsibirischen Urwalde // Carl Hagenbeck's Illustrierte Tier- und Menschenwelt herausgegeben von Carl Hagenbeck. Stellingen. 1928/1929. 3. Jahrg. S. 46–50, 65–68.

Dörries F. Verbrecher und Verbrechen in Ostsibirien // Carl Hagenbeck's Illustrierte Tier- und Menschenwelt herausgegeben von Carl Hagenbeck. Stellingen. 1929/1930. 4. Jahrg. S. 88–91, 106–109.

Dörries F. Kleine Beobachtungen an allerlei Kerfen // Sonderdrucke aus dem Zoologischen Garten (Leipzig). Neue Folge. 1951. Bd. 18, Nr. 3/4. S. 140–142.

Dörries F. Kleine Beobachtungen an Skorpionen, Tausendfüßlern und Vogelspinnen in Carl Hagenbecks Insektenhaus. // Sonderdrucke aus dem Zoologischen Garten (Leipzig). Neue Folge. 1954. Bd. 21. S. 58–62.

Erschoff N. Diagnoses de quelques especes nouvelles de Lépidoptères appartenant a la faune de la Russie Asiatique // Horae Societatis Entomologicae Rossicae. 1872. T. 8. P. 315–318.

- Graeser L.* Beitrag zur Kenntniss der Schmetterlingsfauna von Wladiwostok // Verhandlungen des Vereins für naturwissenschaftliche Unterhaltung zu Hamburg. 1879(1877). Bd 4. S. 199–209.
- Hagenbeck L.* Animals Are My Life. London: The Bodley Head. 1956. P. 220.
- Hargitt E.* On a supposed new species of woodpecker from Eastern Siberia // The Ibis, A Quarterly Journal Of Ornithology. 1881. P. 398–399.
- Holik O.* Östliche und fernöstliche Erebia-Formen // Entomologisches Nachrichtenblatt. 1954. Bd. 1 (6). S. 58–65.
- Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R.* Collectiones entomologicae. Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil I. A bis K. Berlin: Akad. Landwirtschaftswiss. DDR, 1990. 220 S.
- Parry F.J.S.* Characters of seven nondescript Lucanoid Coleoptera, and remarks upon the genera *Lissotes*, *Nigidius* and *Figulus* // Transactions of the Entomological Society of London. 1873. P. 335–344.
- Radde G.* Die Festlands-Ornis des südöstlichen Sibiriens // Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855-1859 incl. im Auftrage der Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft ausgeführt von Gustav Radde. Bd 2. Spb.: Besobrasoff, 1863. 392 S.
- Résumé des Comptes-rendus de la Société Entomologique de Russie four 1870 et 1871 //* Mémoires sur les Lépidoptères, Ed. N.M. Romanoff. T. 8. P. XXIV-XXX.
- Seebohm H.* On a new owl from the Amoor River // Bulletin of the British Ornithologists Club. 1895. Vol. 5. P. 4.
- Selzer A.F.* Dörries. [Nachruf] // Internationale Entomologische Zeitschrift. Organ des Internationalen Entomologen-Bundes (Guben). 1920. 14 Jahrg. S. 113–115.
- Staudinger O.* Neue Arten und Varietäten von Lepidopteren aus dem Amur-Gebiete // Mémoires sur les Lépidoptères, Ed. N.M. Romanoff. T. 3. Spb.: M.M. Stassulewitsch. 1887, P. 126–232.
- Staudinger O.* Neue Noctuiden des Amurgebietes // Entomologische Zeitung herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin. 1888. Nr. 49. S. 245-283.
- Staudinger O.* Die Macrolepidopteren des Amurgebiets. I Theil. Rhopalocera, Sphinges, Bombyces, Noctuae // Mémoires sur les Lépidoptères, Ed. N.M. Romanoff. T. 6. Spb.: M.M. Stassulewitsch, 1892a. P. 83-658.
- Staudinger O.* Lepidopteren des Kentei-Gebirges // Deutsche Entomologische Zeitschrift «Iris». 1892b. Bd. 5. S. 300–393.
- Staudinger O.* Die Geometriden des Amurgebiets // Deutsche Entomologische Zeitschrift «Iris». 1897. Bd. 10. S. 1–122.
- Staudinger O.* Lepidopteren des Apfelgebirges // Deutsche Entomologische Zeitschrift «Iris». 1898. Bd. 10. S. 320–344.
- Warnecke G.* Doerriesia. (Bemerkungen über ostasiatische und sibirische Grossschmetterlinge) // Deutsche entomologische Zeitschrift «Iris». 1924. Bd. 38. S. 149–158.
- Weidner H.* Fritz Dörries, ein Hamburger Forschungsreisender in Ostsibirien // Monatschrift des Vereins zur Pflege der Natur- und Landeskunde in Schleswig-Holstein und Hamburg. Neumünster. 1969. 76. Jahrg, No 10. S. 313–320.
- Weidner H.* Die Entomologischen Sammlungen des Zoologischen Staatsinstituts und Zoologischen Museums Hamburg. XI. Teil. Insecta VIII. Ordnung: Lepidoptera // Mitteilungen aus dem Hamburgischen Zoologischen Museum und Institut. 1974. Bd. 70. S. 181–266.

HAMBURGER COLLECTOR AND RESEARCHER FRITZ DOERRIS
AT THE RUSSIAN FAR EAST

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Branch of Pacific Research Fisheries Centre, Khabarovsk, Russia.

The biography of professional collector of natural history collections from Hamburg Fritz Doerries jr. is given with the data on the time and regions of his expeditions in East Siberia, Amur and Primorye.